

В О П Р О С Ъ

О ЛИТЕРАТУРНОЙ КОНВЕНЦІИ СЪ ФРАНЦІЕЮ

СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ.

Изъ *Русскихъ Вѣдомостей* № 26 1894 г.

МОСКВА.

Типогр. „Русскія Вѣдомости“, Никитская,
Черныш. п., л. № 7-й.

1894.

Дозволено цензурою. Москва, 6 февраля
1894 г.

Вопросъ о литературной конвенціи съ Франціею съ точки зрѣнія юридической.

I.

Въ полемикѣ, возникшей въ нашей печати по поводу поднятаго вопроса о воспрещеніи переводовъ сочиненій французскихъ авторовъ, до сихъ поръ не была затронута одна, чисто *юридическая*, сторона вопроса, имѣющая, полагаю, въ данномъ случаѣ болыше значенія, чѣмъ тотъ выдвинутый такъ нектати «горячій братскій поцѣлуй», коимъ имѣлось въ виду замаскировать далеко не братскія вождедѣнія французскихъ авторовъ или, скорѣе, ихъ издателей.

Основное правило, которое соблюдается при заключеніи всѣхъ международныхъ конвенцій, въ томъ числѣ и литературныхъ, заключается въ томъ, что иностранцы болѣе или менѣе приравниваются, въ отношеніи пользованія извѣстными правами, къ коренному населенію государства. Какъ максимумъ такихъ уступокъ можетъ быть *полное* уравненіе иностранцевъ съ собственными гражданами; но невозможно представить себѣ, чтобы иностранцы надѣлены были, въ какомъ-либо отношеніи, бóльшими правами, нежели свои собственные подданные. Между тѣмъ именно такому коренному

принципу международного права противорѣчить любостыжательное домогательство французскихъ литераторовъ.

Согласно вышеуказанному началу была редактирована статья 1 конвенціи 6-го апрѣля 1861 г., дѣйствовавшей между Россіею и Франціею до послѣдняго времени. «Авторамъ произведеній ума или художествъ, — гласила эта статья, — которыми законами одного изъ обоихъ государствъ нынѣ обезпечивается или впредь будетъ обезпечено право собственности или авторства, будетъ присвоено пользованіе *тѣми же правами* во владѣніяхъ другого государства и въ тѣхъ же предѣлахъ, какъ присвоено въ семъ послѣднемъ пользованіе этимъ правомъ подобнаго же рода произведеній, издаваемыхъ въ семъ государствѣ». На основаніи этой статьи конвенціи произведенія французскихъ авторовъ могли пользоваться *тѣми же* правами, какія нашъ законъ предоставляетъ сочиненіямъ, изданнымъ въ Россіи и русскими подданными.

По дѣйствующему же нашему законодательству переводъ изданныхъ въ Россіи сочиненій какъ съ русскаго языка на иностранные, такъ съ иностранныхъ на русскій вообще *не стѣсненъ* никакими ограниченіями и, какъ извѣстно, у насъ дѣлается немало такихъ переводовъ не только на восточные языки (армянскій, грузинскій, татарскій), но и на европейскіе: нѣмецкій, польскій, латышскій и пр. Единственное стѣсненіе, допущенное нашимъ гражданскимъ правомъ въ пользу

автора, касается «книгъ, для которыхъ были необходимы *особенныя ученныя изысканія*». Сочинителямъ такихъ книгъ предоставляется оставлять за собою право перваго перевода въ течение двухъ первыхъ лѣтъ (см. ст. 18 Прил. къ ст. 420 [примѣч. 2] т. X ч. 1 изд. 1887 г.). Стѣсненіе переводовъ, даже въ такой ограниченной области, имѣетъ болѣе теоретическое, нежели практическое значеніе, такъ что на дѣлѣ въ Россіи всегда существовала полная *свобода* переводовъ.

Руководствуясь указанными данными, наши юристы (К. П. Побѣдоносцевъ, проф. Табашиковъ и др.) всегда признавали, что и при дѣйствіи литературной конвенціи Россіи съ Франціею переводы съ французскаго не были стѣснены никакими условіями ¹⁾, кромѣ вышеуказаннаго пункта относительно ученыхъ сочиненій.

Такимъ образомъ, если бы наше министерство иностранныхъ дѣлъ, уступая настойчивому желанію французскихъ писателей, изъявило согласіе на возобновленіе литературной конвенціи, то оно не въ состояніи бы было удовлетворить желанію французскихъ беллетристовъ и драматурговъ, которые почти одни и заинтересованы въ поднятой агитаціи. Пока не измѣнено дѣйствующее у насъ право литературной собственности и не отмѣ-

¹⁾ См. Побѣдоносцева „Гражданское право“, ч. 1 стр. 586, и Табашикова „Литературная собственность“, т. I, стр. 486.